РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI 10.17223/19986645/35/16

Ефанова Л.Г. Норма в языковой картине мира русского человека. – Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2013. – 492 с.

В монографии представлен комплексный анализ нормы как универсальной категории, отраженной в русской языковой картине мира, с точки зрения особенностей ее содержания, способов выражения и выполняемых ею функций.

Предназначена для специалистов в области лексической семантики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, для научных работников и аспирантов, преподающих и изучающих русский язык в качестве иностранного, а также для широкого круга ученых, исследовательская деятельность которых связана с изучением нормы.

В 2014 г. вышла в свет почти пятисотстраничная книга Л.Г. Ефановой, посвященная категории нормы. Удивительная своевременность этой работы обусловлена, прежде всего, обостренным вниманием языкознания XXI в. к содержательному плану языка, к вопросам семантики. Данный интерес, неуклонно возрастая на протяжении всего прошлого столетия, обрел новый импульс за счет развития когнитивных наук с их обращением к способам и формам получения, организации и экспликации знания, когда языковая деятельность стала рассматриваться в качестве одного из «модусов когниции». Как результат мы видим чрезвычайную востребованность введенного античной философией понятия категории. В XX в. его интерпретации были посвящены широко известные работы Л. Витгенштейна, Б.Л. Уорфа, Э. Бенвениста, У. Лабова, Т. Гивона, Р. Лангакера, Л. Талми, Р.М. Фрумкиной, А.В. Бондарко, Е.С. Кубряковой и десятков других крупных ученых. Согласившись в целом с пониманием категории как объединения элементов с нетождественными свойствами и вместе с тем характеризующихся неким общим свойством, лингвисты сегодня дискутируют о количестве языковых категорий, их таксономии, иерархии, а также о более частных деталях – функциях выделенных конкретных категорий, их признаках и т.д.

Вместе с тем современная кроссдисциплинарная теория миромоделирования не может изъять из своего предметного поля вопросы нормативной организации целостного образа действительности. Вполне очевидно, что фе-

номен нормы через области должного и идеала сопрягается с правом и моралью, порождая закон и заповедь, а через вопросы об источнике нормы и субъекте ее оценки – с теософскими учениями об онтологии мира. Поле нормы расцвечено сложным, причудливым узором из привычных правил, древних обычаев, новых предписаний, разработанных канонов, жестких стандартов, признанных эталонов, тривиальных стереотипов и высоких идеалов. Моделируемая посредством нормы действительность имеет, однако, недвусмысленные и интуитивно понятные границы, ведь норма – это феномен «человеческого мира»: лики микро- и макровселенной, где человек выведен «за скобки» бытия, нормированию не подлежат.

В результате избранный Л.Г. Ефановой предмет исследования заведомо не может быть сконструирован без обращения к предметным сферам других отраслей знания. Автор имел все основания повысить статус выделяемой им категории нормы до общелингвистического (релевантного для таких направлений языкознания, как культура речи, социолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, теория межкультурной коммуникации, теория речевых жанров, где термины «текстовые нормы», «речевые нормы», «лексические нормы», «литературные нормы» давно стали привычными) и даже гносеологического (востребованного в антропологии, социологии, теории стандартов, модальной логике, философии и других дисциплинах, поскольку отношение к сложной и многоплановой норме принадлежит к числу важнейших механизмов познания как такового) и при этом доказывать статус нормы как универсальной семантической категории, свойственной всем языкам.

Л.Г. Ефанова корректно обозначает тот рубеж, с которого началось ее собственное исследование. Помимо освещения логико-философских, религиозных, социологических концепций феномена нормы от Аристотеля и Б. Спинозы, заинтересовавшихся сущностью нормы, до Э. Дюркгейма и Р. Мертона, чье внимание привлекала граница нормы и аномалии, нормы и аномии, в книге также систематизированы достижения последних десятилетий по изучению нормы в рамках лингвистической семантики – ее трактовка как концепта, элемента иных семантических категорий, структурной составляющей модальности, основания оценки.

Уже затем автор предлагает собственную многоуровневую интерпретацию категории нормы. На общеметодологическом уровне выдвигается положение о нормативной картине мира как основании для языковой картины мира. Постулируемая в книге нормативная картина мира отмечена свойством универсальности по отношению к отраженным в ней типам норм и оказывается специфичной по отношению к их конкретным реализациям. Она антропогенна и складывается в результате предметно-практической деятельности человека. Обладая родовыми свойствами картины мира как когнитивного феномена, нормативная картина мира объединяет коллективные гетерогенные и гетероструктурные представления о нормах.

На межпредметном уровне научная гипотеза Л.Г. Ефановой связана с углублением и расширением трактовки нормы как особой разновидности оценки, с выявлением типологии норм и систематизацией их функций.

И уже сугубо лингвистический уровень создается интерпретацией нормы в качестве впервые выделяемого самостоятельного функционально-семантического поля. Оно оказывается полицентрическим и представляет собой переходы от «явной» грамматики русского языка к «скрытой».

Семантическая гетерогенность заявленной категории заставила автора квалифицировать основные нормы, существующие в русской языковой картине мира, и их категориальные особенности. Для этого Л.Г. Ефановой создана оригинальная процедура определения степени выраженности в семантике языковых единиц общекатегориальных признаков нормы на основе подбора соответствующего языкового показателя. Автору удалось доказать преимущественную соотносительность признаков нормы с предметом нормативной оценки или с ее основанием. Вскрыта не исследовавшаяся ранее корреляция функций нормы с субъектом нормативной оценки, субъектом нормы и ее авторитетом. Таким образом, научному сообществу представлено концептуально целостное описание языкового воплощения семантической категории нормы.

Л.Г. Ефанова отстаивает тезис о том, что предлагаемая ею категория рядоположена таким категориям, как интенсивность, градуальность, компаративность, недискретное количество и мера признака. Норма трактуется как семантическая константа, инвариант общекатегориального признака, разнообразные варианты которого получают воплощение в языковых значениях. При этом, как и следовало ожидать, специализированные языковые средства гораздо чаще маркируют проявления разнообразных девиаций, нежели соответствие норме.

Автор всесторонне характеризует частные разновидности нормы (собственно параметрическую норму, норму целостности, соответствия, количества статического / динамического признака одушевленного субъекта, оптимального состояния одушевленного объекта, видовой идентичности, стабильности, собственно аксиологическую норму), которые отличаются принципом репрезентации аномалии и средствами ее выражения, систематизированы категориальные признаки нормы (и как предмета оценки, и как основания оценки).

Исследование Л.Г. Ефановой вскрывает нелинейные и неоднозначные связи нормы с оценкой. Одним из самых сильных разделов ее книги является выделение основных разновидностей нормативных оценок – стереотипа, стандарта, образца и идеала – и анализ их взаимодействия. Скрупулезно рассмотрены функции нормы и их преимущественное распределение по видам норм: доказано, что для стереотипов наиболее характерна информативная функция, для стандартов – мерная, для образцов – регулятивная, для идеалов – проецирующая. Установлено, что функционирование нормы детерминировано рядом факторов, из которых наиболее значимы авторитет нормы, субъект нормы и субъект нормативной оценки.

Изложение доказательств перечисленных концептуальных положений представлено читателю чрезвычайно методично, последовательно и внутренне взаимосвязанно. Эта черта, впрочем, присуща всем хорошим работам, а книгу Л.Г. Ефановой отличает и ряд самобытных моментов.

В ее безусловно целостный текст введены 7 разделов, каждый из которых, будучи сфокусированным на конкретном вопросе, имеет отчасти самостоятельный характер. Это разделы «Категориальная семантика нормы в значениях лексических единиц» (с. 58–66); «Коммуникативная дистанция как разновидность стандарта, обозначенного при помощи средств языка» (с. 237–244); «Идеал безгрешности и его взаимодействие со стереотипом отношения к греху и образцом праведности» (с. 301–307); «Душа как авторитет стандартов удовлетворения индивидуальных потребностей» (с. 361–364); «Душа как субъект этических норм» (с. 419–423); «Дух и душа как субъект религиозных норм» (с. 424–427); «Совесть как внутренний авторитет этических норм-образцов с активным субъектом» (с. 434–444). Несмотря на небольшой объем (вполне возможно, благодаря небольшому объему), данные экскурсы являются бесспорным украшением книги, поскольку лишены некоторой статичности и монументальности основного текста. Они глубоки по содержанию и написаны «con animo». Думается, это было непросто, поскольку здесь автор соперничает с пером ведущих отечественных языковедов, чьи работы хорошо известны по серии «Логический анализ языка».

Чтобы полнее охарактеризовать рецензируемую книгу, остановимся на особенностях и охвате анализируемых в ней языковых средств. Итак, функционально-семантическое поле нормы не опирается ни на одну морфологическою или синтаксическую категорию, и его не ограниченные формально элементы находятся в отношениях взаимного дополнения (впрочем, автор осторожно говорит о некоторых признаках их иерархической организации). Помимо лексем, фразеологизмов и паремий, план выражения поля нормы составляют словообразовательные форманты, предложно-падежные сочетания, союзные конструкции.

И здесь следует отметить одну из немаловажных и вместе с тем ярких черт рецензируемой книги: и отдельные тезисы, и окончательные постулаты неизменно опираются в ней на уникальные по своей репрезентативности* выборки языковых фактов (складывается впечатление, что иллюстративная часть составляет едва ли не половину текста). При этом автор убедительно аргументирует выбор единиц наблюдения, которые релевантны для разных участков поля нормы, а также для реализации тех или иных ее функций.

К примеру, такая разновидность нормы, как стандарт, рассмотрена на материале лексем, маркированных аффиксами *полу-, недо-, пере-, без- (бес-)*; регулятивная (оценочная) функция нормы – на материале фразеологии начиная с исконно русской (и даже диалектной: *ни пижи ни ежи*) до заимствованной из самых разных источников (*отпетый дурак, детский лепет, нести ахинею, затянуть пояс, гол как сокол, баловень судьбы [фортуны], как игрушка, как на корове седло, пятая колонна, не по зубам, от аза до ижицы,*

---

*Например, только экспликация несоответствия норме тождества объекта самому себе (норме видовой идентичности) посредством конструкции *ни… ни…* проиллюстрирована 35 примерами (!) – от таких высокочастотных, как *ни рыба ни мясо, ни два ни полтора, ни тпру ни ну, ни убавить ни прибавить,* до редко употребляемых ныне *ни бес ни хохуля* [диалектизм со значением ‘выхухоль’], *ни кафтан ни ряса, ни из короба ни в короб, ни куется ни плющится* и т.д. Автор скрупулезно фиксирует формальное варьирование конструкций: *ни шатко ни валко (ни на сторону*), *ни Богу свечка ни чёрту кочерга / огарыш.*

сами с усами, попасть пальцем в небо, крепкой закваски, терять почву под ногами, рыцарь на час, жать на всю железку, от чистого сердца, двенадцать на дюжину, тюрьма [веревка] плачет); внешний авторитет нормобразцов с активным субъектом и информационная функция нормы – на единицах паремиологического фонда (*и будь без хвоста, да не кажись кургуз; не ищи в селе, а ищи в себе; не будь в людях приметлив, а будь дома приветлив; не будь гостю запасен, а будь ему рад; умирать собирайся, а земельку паши; не смейся чужой беде, своя на гряде; хорони думку в пазушке, не носи в люди; не в свои сани не садись; по одежке протягивай ножки; что ни город, то норов, что ни деревня, то обычай; ремесло за плечами не виснет; грязь – не сало, помыл – отстала; кто празднику рад, тот до свету пьян; кто старое помянет, тому глаз – вон*).

Научная основательность не позволяет автору ограничить свою доказательную базу кодифицированной подсистемой языка. Так, например, стереотип разговорчивости (предметом его оценки является речевая активность человека) реконструируется через номинации отклонений от него, и большинство из них прогнозируемо выходит за рамки литературности или же стилистической нейтральности. Подобные примеры неуклонно сопровождаются выверенными по словарям пометами. Это касается как универбов (*балаболка* (разг.), *говорун, пустозвон* (разг.), *пустомеля* (разг.), *сорока* (перен.), *таранта* (прост.), *трепло* (груб., прост.), *трещотка* (перен.) vs. *молчун, заика, мямля* (прост.); *многословный, речистый, словоохотливый* vs. *безъязыкий, малоразговорчивый, немногословный, немой*), так и устойчивых выражений (*базарная баба* (груб. прост.), *бесструнная балалайка, живая газета* (разг.), *слаб на язык* (прост.), *язык без костей* (разг.) vs. *как будто [словно, точно] воды в рот набрал* (разг.), *клещами [слова] не вытянешь* (разг.), *ни гу-гу* (прост.), *ни гласа ни воздыхания* (книжн.), – в целом данный участок нормы в монографии репрезентирован 64 единицами.

Отдельно остановимся на эвристическом потенциале монографии. Являясь вполне законченным произведением, она дает читателю импульсы для дальнейших размышлений, выходящих за рамки конкретных задач проделанного Л.Г. Ефановой исследования. Значительная часть сформулированных положений потенцирует связи и пересечения разных областей гуманитарного знания. Книга заставляет читателя (если угодно в другой модальности, – позволяет ему) думать. Так, приводимая серия примеров, которые иллюстрируют допустимость снижения нормы для отрицательного признака и недопустимость – для нормы положительного признака, типа *глуховатый – звонкий, кривоватый – прямой, трусоватый – храбрый, грубоватый – вежливый, бледноватый – румяный, слабоватый – сильный, пьяноватый – трезвый,* актуализует вопрос о своеобразии национальной ментальности. Еще более важное значение для «горячей» (в терминах Ю.Н. Караулова) на сегодня проблематики «русского мира» имеют доказательные выводы автора об эксплицированной русским языком специфике внешних и внутренних авторитетов норм, а также санкций за их нарушение. Описанный в работе выход девиаций аксиологической нормы стабильности на такие средства выражения, как неопределенные местоимения типа *какой-то, что-то, как-то, почему-то*, отсылает к семантической категории чуждости, поскольку именно чужой мир,

иномирие характеризуются неопределенностью и отсутствием границ, законов, причин и следствий.

Есть ли в книге Л.Г. Ефановой положения, вызывающие полемику? Разумеется. Ведь необходимость научной гипотезы, лишенной полемичности по отношению к уже существующим теориям, вызывает сомнения.

Итак, одним из главных содержательных акцентов работы стало развиваемое Л.Г. Ефановой на с. 165–170 положение о нормативной картине мира как основании для языковой картины мира. Этот тезис сразу порождает вопросы гносеологического плана: оказывается ли это основание единственным или же существуют рядоположенные феномены? Является ли нормативная картина мира предельным понятием или же она сама базируется на какой-то другой сущности?

Очевидно, что феноменологические черты (континуальность / дискретность, объективность / субъективность, стабильность / динамичность) предлагаемая нормативная картина мира будет разделять с другими картинами мира. Более неопределенными оказываются ее эпистемические черты, которые зависят от парадигмальных установок исследователя, от направления, к которому относит себя ученый, описывающий данный конструкт.

Л.Г. Ефанова предлагает следующее определение: «Содержание понятия нормативной языковой картины мира может быть определено как отраженная в семантике языковых единиц разных уровней система социально обусловленных и регулярно выражаемых средствами языка представлений о том, каким должен быть человек, социум и весь окружающий мир, для того чтобы получить со стороны социального субъекта положительную оценку и не вызвать у него неодобрительного отношения» (с. 169). Однако эта дефиниция не снимает вопроса, в каких отношениях находятся понятия «языковая картина мира» и «нормативная языковая картина мира».

Как известно, понятие картины мира приняли в методологии в начале XX в. для обозначения одного из структурных элементов теоретического знания естественно-научного спектра. К 1960-м гг. стало ясно, что каждая наука создает и институализирует рациональные модели действительности. Кроме того, было признано, что они граничат с теми картинами реальности, которые порождает у человека непосредственная предметно-практическая деятельность. Постмодернистская парадигма, затронувшая и науку, привела к принципиальной фрагментации действительности. «Миров» стало много. Сегодня иерархия и конкуренция выделяемых картин мира, а также их структура и сущностные эпистемические характеристики остаются дискуссионными, а мультипликация «миров» и их «картин» приводит к размыванию и обесцениванию их операционального потенциала.

На этом фоне понятие языковой картины мира также не избежало дробления, в нем стали выделяться и гипостазироваться отдельные аспекты. Конечно, вопрос об эвристической ценности (результативности) подобных построений разные научные школы решают неоднозначно, и никто не отрицает право ученого предлагать в качестве объекта исследования или же в качестве инструмента анализа новый вид такой родовой сущности, как картина мира. Однако термины «языковая картина мира», «ценностная картина мира», «ценностный аспект языковой картины мира», «нормативная картина мира»,

«языковая нормативная картина мира», «нормативная языковая картина мира» несколько спорадически возникают как в цитатах из работ В.И. Карасика, А.П. Бабушкина, Е.М. Вольф, В.Н. Телия, так и в собственном тексте автора, не давая возможности дифференцировать эти феномены и показать их иерархию.

Не всегда удачна и авторская терминология Л.Г. Ефановой (вызывают сомнения термины «норма оптимального состояния одушевленного объекта или субъекта», «норма количества статического / динамического признака одушевленного субъекта»).

К сожалению, автор не излагает принципы подачи гигантского массива примеров. A posteriori напрашивается вывод, что единственное ограничение языковой эмпирии при проведении исследования было связано с очень редким (спорадическим) привлечением диалектных фактов. Их отсутствие, пожалуй, не меняет радикально сущности и контуров смоделированного функционально-семантического поля. Кроме того, ясно, что выбранные и сгруппированные на страницах книги языковые факты в дальнейшем можно привлекать для анализа в иных аспектах. Как уже говорилось, списки примеров чаще всего очень пространны (достигая нескольких страниц), но иногда все же ограничиваются двумя-тремя единицами. В обоих случаях возникает вопрос: закрыт ли данный перечень? И этот вопрос нельзя считать праздным, поскольку разработанность той или иной зоны функционально-семантического поля оказывается принципиальной.

В заключение отметим, что книга Л.Г. Ефановой имеет отчетливо выраженный личностный отпечаток и на способе постановки и решения вопросов, и на способе описания полученных результатов. Не подлежит сомнению, что она, корректно вписываясь в современную проблематику языкознания, будет интересна не только лингвистам.

Г.В. Калиткина

A BOOK REVIEW: YEFANOVA L.G. *NORMA V YAZYKOVOY KARTINE MIRA RUSSKOGO CHELOVEKA* [THE NORM IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF A RUSSIAN].

Tomsk State University Journal of Philology, 2015, 3(35), pp. 202–209.
DOI 10.17223/19986645/35/16

Kalitkina Galina V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dasty2@yandex.ru